

БАШИР КЕРРУМИ
КРАСНАЯ
ПЕЛЕНА

«Проза нашего времени»

Башир Керруми
Красная пелена

«Этерна»

2009

Керруми Б.

Красная пелена / Б. Керруми — «Этерна», 2009

Герой книги – алжирский подросток – любит математику, музыку и футбол. Он рано понял, что его, рожденного в семье бедняков, ничего хорошего в этой жизни не ждет: или тупая работа за гроши на заводе, или вступление в уличную банду. Скопив немного денег, он с благословения деда решается на отчаянно смелый шаг: нелегально бежит из Алжира во Францию. Но опьянение первыми глотками воздуха свободы быстро проходит. Арабскому парню без документов, не знающему ни слова по-французски, приходится соглашаться на любую работу, жить впроголодь, спать в убогих комнатухах. Но он знает, что это ненадолго. Главное – получить образование. И он поступает в техническое училище. Казалось бы, самое трудное уже позади. Но тут судьба наносит ему сокрушительный удар. Проснувшись однажды утром, он понимает, что ничего не видит – перед глазами стоит сплошная красная пелена. Месяцы лечения и несколько операций заканчиваются ничем. Он слепнет. Новая родина готова взять его на попечение. Но разве за этим ехал он сюда? Вырвавшись из одной клетки, он не согласен садиться в другую. И намерен доказать себе и миру, что он сильнее слепоты.

© Керруми Б., 2009

© Этерна, 2009

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	22
Глава 7	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Башир Керруми

Красная пелена

Соне, Себастьяну, Нордине, Элен и Энцо.

*Надеюсь, эта книга усилит ваше любопытство к связи культур,
соединяющей вас с южными берегами*

Я слеп, но на свете есть люди, которым хуже, чем мне.

Ведь я мог родиться черным!

Рэй Чарльз

Упрямая птица,

несчастливая птица,

увидишь ли ты новый рассвет?

Мохаммед Диб. Сумрак-хранитель

Издание осуществлено в рамках Программ содействия издательскому делу при поддержке Французского института

Cet ouvrage a bénéficié du soutien des Programmes d'aide à la publication de l'Institut français

Bachir Kerroumi. Le voile rouge

© Editions Gallimard, 2009

© Е. В. Головина, перевод, 2014

© Издательство «Этерна», оформление, 2014

Глава 1

Я пришел из мира, где юности не существует.

Беззаботность, которая обычно оберегает детей от горькой действительности, покидала нас слишком быстро. Я почувствовал это рано, лет с десяти, по глазам своих товарищей. Невинности, искрившейся в наших взглядах, с каждым месяцем становилось все меньше. Даже наши лица, такие выразительные и часто веселые, с течением времени словно иссыхали. К счастью, мы все мечтали о путешествиях, и это позволяло нам хоть иногда улыбаться.

Уехать... Уехать куда-нибудь далеко, туда, где у нас каждый день будет еда и чистая одежда, где будет вволю воды, чтобы мыться и пить сколько захочешь...

С этой точки зрения наша детская неопытность была преимуществом – она делала нас открытыми будущему. Наша восторженная изобретательность не ведала границ и заставляла придумывать самые невероятные истории.

Встречаясь, мы больше всего любили обсуждать одну и ту же тему – тему переезда в новый мир. В этих постоянных разговорах было что-то маниакальное, но они помогали нам не пасть духом.

Существовал и еще один источник нашего оптимизма, но тайный; он касался вещей, о которых не говорят вслух. Но даже брошенных друг другу беглых заговорщических взглядов хватало, чтобы каждый из нас испытал взволнованный подъем.

Это начиналось ранней весной, когда у нас играли свадьбы и женщины устраивали свои собственные посиделки. Мужчин на них не допускали, но детям вход был открыт. Мальчишек помладше иногда даже переодевали девочками, чтобы они могли принимать участие в танцах. Согласно обычаю даже музыканты были представлены исключительно женщинами. Гости всех возрастов одевались в нарядные обтягивающие платья, украшенные вышивкой с блестками, иногда почти прозрачные. Радостные лица, напускная скромность... Нам они казались настоящими красавицами, словно явившимися из волшебной восточной сказки.

Когда одна из танцовщиц, широко раскинув руки, принималась ритмично подергивать плечами, заставляя подрагивать грудь, ее взгляд выдавал наслаждение. Традиционный танец должен продемонстрировать зрителям все части тела. Решающий момент наступал, когда у танцовщицы одновременно приходили в движение живот, грудь и бедра, – и у нас замирали сердца. Чтобы продлить удовольствие, она под гладкие глубокие звуки барабана – у нас он называется *дербука* — начинала с вызывающей откровенностью вращать бедрами. Меня охватывало пленительное и невероятно сильное чувство. Я ласкал взглядом округлости той из танцовщиц, которую выделял для себя из числа прочих. Я знал, что, когда праздник закончится, каждый из моих допущенных на него приятелей станет с пеной у рта отстаивать превосходство девушки или женщины, очаровавшей его своей красотой и чувственностью своего танца.

Свадьбы были сладостной передышкой, на краткий – слишком краткий – миг вырывавшей нас из грубой действительности нашего нищенского существования.

В тех кварталах Орана, где я провел первые пятнадцать лет своей жизни, бедность не давала нам, в отличие от детей из более зажиточных районов, возможности нормально вырасти. Мы рано расставались с детством.

Я до сих пор не могу думать об этом без грусти. Как будто у меня отняли целые годы – неповторимые годы, наполненные особыми переживаниями, время, когда человек открывает для себя новый мир смыслов и чувств.

Нам грозила опасность лишиться части своего эмоционального богатства.

Нашим родителям бедность причиняла неисчислимые страдания. Мы были им дороги – во всех смыслах слова. Они любили нас, но из-за житейских трудностей помимо собственной воли давали нам понять, что растить нас – тяжелое, порой неподъемное бремя.

Кое-кто из моих знакомых взрослых прямо на лице носил отпечаток трагической судьбы. Они даже внешне напоминали те бронзовые статуи, что стояли в центре города. В их чертах читались все муки прошлого.

Собираясь вместе (по случаю праздников, семейных торжеств или религиозных обрядов), взрослые обсуждали одно и то же. Мужчины говорили об Алжирской войне и превозносили собственную доблесть, женщины делились магическими рецептами того, как удержать возле себя мужа. Однажды я слышал, как мой дед сказал своему знакомому, с которым они пили чай:

– Настоящие бойцы сопротивления никогда не вспоминают о войне – это слишком больно. Те, кто бахвалится своими подвигами, в ней не участвовали и корят себя за трусость. Пусть себе болтают. Наверное, для них это единственный способ не сломаться под грузом сожалений.

С того дня, глядя на этих хвастунов, я не мог не испытывать печали. Война, думал я, не только разорила землю, она прошлась своим катком по живым людям. Долгая оккупация, бесчисленные унижения и пытки – физические и моральные – изъязвили их души и иссушили их сердца.

Меня охватывал страх: успею ли я сбежать из этого ада, пока не превратился в похожий на них живой труп?

Наступающая весна освобождала нас, мальчишек, из того тройного плена, в котором нас держал весь фантазмагорический уклад нашей жизни.

Во-первых, всю осень и зиму мы были вынуждены проводить взаперти. Когда серое ненастье сменялось яркими летними днями, на нас это производило впечатление шока, от которого кружилась голова.

Во-вторых, правившая нами диктатура, уверенная, что служит нам защитой и опорой, навязывала нам свое убогое милитаристское мышление.

Наконец – и эта несвобода была самой пагубной из всех трех, – нас не пускала на волю собственная ментальность.

В семьях, принадлежащих к среднему классу, как и в семьях рабочих, властвовал целый свод табу, ограничивавший нас во всем – в словах, в играх, даже в одежде. Особенно заметно это становилось зимой. Смена времени года словно вдыхала новую жизнь в старые запреты.

Лицемерие всячески приветствовалось. Одно из самых причудливых табу касалось семейных отношений. С виду главой семьи был муж, но на самом деле за все ниточки дергала жена. Именно она – ради общего блага – решала, что хорошо и что плохо для ее отца, мужа, брата...

В доме мужчина представал непререкаемым авторитетом, но он ни в чем не разбирался и не имел права голоса; деньгами распоряжалась женщина, она же занималась детьми и мужем и лечила заболевших...

Достаточно сказать, что муж, которого бросила жена, возвращался жить к матери!

С приходом весны и лета наши тела и мысли как по волшебству освобождались. Когда в хорошую погоду мы смотрели на море, нам казалось, что в нашей душе возникает огромное пространство свободы; оно позволяло хотя бы на краткий миг сбросить путы примитивной материнской любви, глупость национализма и презрительный взгляд Запада.

Каждое произнесенное слово

Больно ранит невинную душу.

Однажды вечером кто-то из моих друзей сказал: «Зато у нас есть море. Можно смотреть на него и мечтать о свободе».

Это случилось во время одного из таких разговоров, в предвечерний час, когда мужчины – и юноши, и старики – выползают из душных домов и рассаживаются небольшими группками. Большинство групп формируется по интересам и в силу искренней привязанности, реже – из соображений долга. Члены каждой группы с уважением относятся к остальным, но стараются с ними не смешиваться.

Бывают группы рабочих, группы чиновников, группы богомольцев, группы безработных. Даже местные хулиганы образовывали свою группу, хотя, не смея заявить о себе во всеуслышание, старались вести себя как порядочные работяги. Но никто на их счет не обманывался. Все, включая их самих, понимали, что их здесь терпят при одном условии: если свои безобразия, даже самые невинные, они будут творить где угодно, только не в своем квартале. Иначе их попросту изгонят. Поэтому они предпочитали бесчинствовать в других районах и даже в других городах.

Своим спасением я обязан мечтам. Мечтам, которые сбываются. Сила воображения позволяла мне путешествовать по всему миру. Я сел на пароход и плыл через Средиземное море в такие дали, что все без исключения страны мира становились мне родными и близкими.

Особенно хорошо я помню один из летних дней – он остался в моей памяти во всех своих подробностях.

После полудня я отправился на городской пляж. Солнце стояло в зените, и его жаркие, ласковые лучи поджаривали мне кожу. Температура была градусов тридцать пять, если не все сорок.

Как все местные жители, я обожал солнце и море и с первых апрельских дней пропадал на пляже, благо располагался он неподалеку от нашего дома.

Мною владело странное и восхитительное чувство.

Песок, раскаленный, как горячие угли, обжигал ноги, и те, кто не позаботился об укрытии – зонтике или палатке, – старались держаться поближе к воде.

В тот день пляж за несколько часов заполнили отпускники, по большей части – бледнокожие. Именно по этому признаку можно безошибочно определить жителя внутренних районов страны. Обитатели Орана уже к июлю становятся черными. А учитывая их врожденный пофигизм, выделить их из толпы не представляло никаких трудностей.

Пространство вокруг меня было усеяно телами людей, которые явственно наслаждались, нежась на солнце.

Опасное удовольствие: ради того чтобы ощутить себя живым изнутри, они рисковали сгореть снаружи.

Было пять часов пополудни. Солнце в это время уже не так печет, и зной чуть спадает. Денек выдался чудесный. Море было спокойным, и люди на пляже, казалось, купаются в атмосфере чувственного блаженства. Я сам переживал тот редкий миг, когда тяготы нищего существования отступали куда-то далеко.

Растянувшись на песке, я исподтишка любовался красотой женских тел.

В нескольких метрах от меня расположилась скромная на вид пара.

Женщина сидела по-турецки. Ее спутник лежал, устроившись головой у нее на бедре.

Эта картина поразила меня своим контрастом. Они выглядели бедняками – с бледной кожей, в стареньких купальных костюмах. Но от них исходило ощущение безмятежности, полного взаимопонимания и абсолютного счастья.

Мне стало грустно. Глядя на них, я не мог не думать об ужасных отношениях, сложившихся между моими собственными родителями.

Несмотря на юный возраст, я прекрасно понимал, как тяжело живется моей матери. Отец взял дурную привычку менять жен как перчатки. После развода с моей мамой он женился еще дважды и бросал каждую очередную жену, как только у нее рождался ребенок. В нашей семье, предки которой вели происхождение из Великой Сахары, на многоженство смотрели косо, но отец, видимо, считал себя самым ловким.

Пока я предавался этим печальным мыслям, нарушившим прелесть прекрасного летнего дня, со стороны моря донесся далекий захлебывающийся крик. Я посмотрел в ту сторону и понял, что там кто-то тонет. Наверняка приезжий. Местные знали, что близ побережья проходят опасные течения, которые мы называли «вихрями».

Я немедленно вскочил и бросился на помощь тонущему. Я плыл быстро, широкими гребками, пока вдруг с ужасом не понял, что тонет один из моих лучших друзей, парень из нашего квартала, и едва не задохнулся.

Я плыл быстро, как только мог. Я должен успеть.

Мой друг беспомощно барахтался в волнах, изредка выныривая, чтобы издать крик о помощи, и тут же вновь уходил под воду.

«Как мне дотащить его до берега?» – думал я.

Я вспомнил рассказы о спасении утопающих, которыми делились с нами старшие мальчишки. Это придало мне храбрости. В каждой из таких историй фигурировал незнакомец, готовый рискнуть своей жизнью ради другого человека.

Я был уже совсем близко. На память мне пришли советы, которые давал тренер по плаванию. Я начал повторять про себя: надо его успокоить, уговорить, чтобы он не дергался, тогда я смогу вместе с ним доплыть до берега.

Едва он увидел, что я рядом, как вцепился мне в плечи и увлек за собой под воду. Я с силой оттолкнул его обеими руками, вынырнул, глотнул воздуха, дождался, когда он тоже появится над водой, схватил его за руку и закричал:

– Успокойся! Успокойся! Ложись на воду! Не дергайся! Не бойся! Не бойся!

Он послушал меня и перевернулся на спину. Лицо у него оставалось над водой, но дышал он прерывисто и с трудом.

Я сказал ему:

– Молодец! Сейчас мы поплывем. Одной рукой я буду грести, а второй – толкать тебя. Выпрями ноги! Просто работай ногами! Слушайся меня, и мы выберемся! До берега недалеко.

Мы проплыли несколько метров, и я почувствовал, что выдохся. Тело друга было слишком тяжелым, у меня не хватало сил. Но я твердил себе: не смей слабеть, не смей! Чтобы не отчаяться, я сам себе внушал, что нам на помощь уже спешат спасатели.

В памяти всплыл еще один совет нашего тренера: «В любых обстоятельствах умеете сохранять спокойствие. Не напрягайтесь, расслабляйте мышцы. Тогда тело станет легким...»

Инстинкт подсказал мне нужные слова. Я повторял другу, что берег уже близко. *Мы выберемся!* Я улыбнулся ему, и он ответил мне испуганной улыбкой.

Между тем я заметил, что он понемногу успокаивается. Выражение страха покинуло его лицо, и дыхание почти пришло в норму.

Вот и прибрежный песок.

Это происшествие еще долго преследовало меня, возвращаясь в страшных снах. В реальной жизни мне удалось спасти друга, но во сне чьи-то невидимые руки хватили нас и тащили ко дну. Чем кончались эти сны, я не помнил – кто-нибудь из родственников обязательно будил меня посреди кошмара. На грани пробуждения я слышал собственные крики и стоны. Они пугали меня и каждый раз оставляли ощущение полной опустошенности.

Мать, которая придерживалась традиционных взглядов и верила в сверхъестественные силы, *мектуб* и прочие устаревшие штуки, решила сводить меня к *марабу* — то есть к колдуну. Она не сомневалась, что я стал жертвой сглаза. Меня эта идея удивила и расстроила:

мне казалось диким, что моя мать, выросшая в Ороне и ходившая в начальную школу, верит в подобные глупости.

От изумления я потерял дар речи. Мать поняла мое смущение и постаралась меня успокоить.

Слово «мектуб» означает «судьба», но оно подразумевает двойной смысл. В народной культуре под мектубом понимают роковую случайность, которая может привести человека в рай или в ад. Некоторые люди боятся даже произносить его вслух. Преодолев замешательство, я сказал:

– Мам, а дедушка говорит, что всякие заклинатели и колдуны – просто обманщики. Мошенники и шарлатаны.

Чуть помолчав, я добавил:

– Дедушка прав. Ты не волнуйся. Надо только подождать. Все само пройдет.

Мать прислушалась к моим словам и не стала настаивать на своем.

Глава 2

Оран – это город, символизирующий смешение культур. Это странный город – ни восточный, ни западный. Город, к которому по-прежнему липнет его испанское прошлое. Его жители ощущают себя кем-то вроде кочевников – они знают, откуда пришли, но понятия не имеют, где окажутся завтра. Этот город дает вам ни с чем не сравнимое чувство свободы: ты полностью принадлежишь ему, но живешь с мечтой его покинуть.

Оран напоминает темпераментную жительницу Средиземноморья, которая меняется в зависимости от времени года. Летом жгучее солнце подогревает ее чувственность, толкая ее едва ли не к разврату. Осенью неукротимый сирокко, сметающий все на своем пути, будит в ней жестокость. Зимой обнажаются все ее горести, и она рыдает в унисон с проливными дождями. Наконец, весной, когда пробуждается надежда, она прихорашивается и блещет под синью небес своими цветущими садами, оливковыми рощами, виноградниками и пляжами.

В Орране лучшее и худшее идут рука об руку, но одно остается неизменным: гордость и смелость ее жителей. Рабочий, безработный и богач одинаково гордятся своим положением. Жители и жительницы Оррана никогда не вешают голову. Большинство из них способны под влиянием минутного порыва рискнуть своей жизнью, порой ради пустяка.

Я жил в районе, застроенном дешевыми муниципальными домами, где соседствовали безработные, бедняки и карьеристы, то есть те, кому удалось выбиться в мелкие начальники: полицейские, чиновники, торговцы. . . Как и во всяком средиземноморском городе, люди большую часть времени проводили на улице, и, хотя тут случались драки, кражи и измены, в нашем квартале – как и в других кварталах Оррана – превыше всего ценились взаимное уважение, гордость и отвага. Здесь я узнал, что человек может быть бедным, но достойным, уважаемым, смелым и гордым. Такие люди чем-то напоминали мне чернокожих американских рабов: несмотря ни на что, они сохранили свое человеческое достоинство, что, например, нашло выражение в таком виде искусства, как госпел.

Первое значительное в моей жизни событие произошло, когда мне было пять лет. Мы с моим младшим братом Ларби, которому исполнилось три года, играли. Ларби был красивый мальчик – с густой гривой черных волос, орехового цвета глазами и светлой кожей. Его личико постоянно светилось какой-то внутренней радостью.

Мне пришлось отлучиться – мать отправила меня в магазин, – а когда я вернулся, мне сказали, что мой младший братишка умер. Скоропостижно, без всяких видимых причин. Я решил, что в его смерти виноваты взрослые, в первую очередь родители. В то время я был убежден, что взрослые на то и нужны, чтобы не позволять детям умирать. Не знаю, прав я или нет, но я всегда считал, что, прояви мои мать с отцом чуть больше внимания и заботы, братишка остался бы жив.

Несколько лет спустя произошло еще одно событие, наложившее отпечаток на все мое дальнейшее существование.

Мой отец – настоящий бабник и мот – захотел поменять жену. Ради другой женщины он бросил семью. Мать забрала детей и перебралась к своим родителям. Она начала искать работу и вскоре устроилась на прядильную фабрику. Работала она в три смены: одну неделю – с шести утра до двух часов дня; вторую – с двух дня до десяти вечера; третью – с десяти вечера до шести утра. Фабрика располагалась за городом, и мать каждый день тратила три часа на дорогу туда и обратно. Я был в семье старшим сыном, и случившееся заставило меня быстро повзрослеть. В двенадцать-тринадцать лет мое детство кончилось.

Я стал неуправляемым, нахальным и злым. Терпеть не мог никакой дисциплины. Инстинктивно пытался навязать окружающим свои собственные правила поведения. Испытывая глубочайшее уважение к каждому человеческому существу, я не выносил ни малейших

проявлений несправедливости и по три-четыре раза на неделе затевал драки – в основном с теми, кто обижал слабых или неподобающе вел себя с женщинами. Ростом я был на полторы головы выше сверстников и стал общаться с парнями на пять-шесть лет старше себя. Ради самоутверждения я упражнялся со складным ножом, мачете и палкой, хотя умел драться и голыми руками. Я всегда предпочитал нападать первым, помня поговорку: «Пусть плачет твоя мать, а не моя».

Днем моя жизнь была связана со школой, вечером – с футболом. Футбол я любил больше всего на свете. По выходным я ходил на блошиный рынок, где торговал поношенной одеждой, сменившей двух-трех владельцев. Поначалу товаром меня снабжал дед; он же назначал цену. Если мне удавалось продать ту или иную вещь дороже, разницу я клал себе в карман.

Постепенно я обрел самостоятельность и начал работать на себя.

Свое первое дело я провернул так. Взял у деда займы 150 франков и накупил на них всякой посуды. Еще приобрел таз, в который всю эту посуду и сложил. Затем, прихватив с собой приятеля, пошел обходить окрестные дома. Я предлагал хозяйкам обменять старую одежду на набор стаканов, тарелку или еще что-нибудь в этом роде. Например, мне показывали куртку. Я внимательно осматривал ее, прикидывал, сколько смогу за нее выручить, и называл цену, ровно вдвое меньшую. Иногда приходилось отчаянно торговаться, но я не уступал. К концу дня я относил всю грудку старья торговцам, державшим на блошином рынке свои лавки, и продавал им все оптом. Это были прожженные мошенники, но дед научил меня, что, если хочешь получить свою цену, надо запрашивать вдвое. Я так и поступал – в ответ они предлагали мне четверть. Торговля велась в насмешливом тоне, как принято среди жителей Средиземноморья. Иногда покупатель упирался, и вместо ста процентов я наваривал всего сорок или шестьдесят. В отдельные дни мне удавалось заработать сотню франков, в другие – не больше тридцати. Это зависело от целого ряда факторов: потребностей домохозяек в посуде, состояния вещей, соотношения спроса и предложения на блошином рынке. Полученные деньги я делил на две части. Одну отдавал матери на хозяйство, вторую тратил на себя, то есть на футбол и кино.

Я жил в хаотическом мире, сотканном из противоречий.

Молодежь делилась на три категории: фаталистов, зубрил и шустриков.

Фаталисты обладали примитивным складом ума и ленивым характером, они жили с родителями, целыми днями мечтали, глядя на солнце и надеясь, что однажды providение изменит их жизнь к лучшему. Мы называли их «друзьями солнца» или членами клуба позеров, потому что они тратили свою жизнь на то, чтобы принимать различные позы – непонятно только, перед кем.

Зубрилы – молодые и, в общем-то, неглупые ребята – поняли, что успех в жизни напрямую зависит от успехов в учебе. Их было немного, и фаталисты жутко им завидовали.

Наконец, были шустрики. Эти отличались особым хитроумием. Они быстро сообразили, что учебу забрасывать не следует, но одновременно старались где-нибудь подработать – хотя бы для того, чтобы обеспечить себе независимость. К шустрикам принадлежал примерно каждый третий парень в нашем районе; обычно они выбивались в местных заводил и служили связующим звеном между зубрилами и фаталистами.

Девушки, в свою очередь, тоже делились на три категории: дуры, жадины и принцессы.

Дуры были безмозглыми курицами, помешанными на французской попсе в ее наихудшей разновидности, тратившими все свое время на макияж и тряпки, следуя указаниям из модных журналов, а представления о сексе получавшими из порнографических изданий.

Ко второй группе относились особы расчетливые и хитрые. Эти думали только о том, как бы удачно выйти замуж, и упражнялись в искусстве манипуляции окружающими.

Девушек третьей категории я называл принцессами. В них было много природной грации, а кроме того – некоторая небрежность ко всему искусственному, надуманному, вроде моды и материальных вещей. Они интересовались образованием и культурой, им удавалось

как-то вырваться из собственной среды и даже оказывать на нее воспитательное воздействие. Если они выходили замуж, то уж по любви, а не по расчету. Ум и чувство собственного достоинства делали их настоящими красавицами.

Глава 3

Как-то вечером мы с приятелями сидели на улице возле нашего дома и вели разговор о будущем. Нас было четверо – Юсеф, Кадер, Джамель и я.

Юсеф заявил:

– Моя цель в жизни – стать профессиональным музыкантом.

Кадер самым серьезным тоном сказал:

– А я хочу найти работу, все равно какую, и поскорее жениться, потому что моя цель – завести семью.

Мы с Джамелем обменялись взглядами. Джамель из всех нас был самым хитрым.

– А я, – сказал он, – хочу годика на четыре, на пять, уехать в Саудовскую Аравию, потому что там хорошо платят. Подкоплю деньжат, потом вернусь и открою здесь свое дело.

Мне говорить не хотелось, и я молчал. Тогда Кадер повернулся ко мне:

– А ты?

Я и сам толком не знал, чего хочу. Знал только одно: что я не желаю протухнуть в этом гетто. В один прекрасный день я отсюда уеду – все равно куда.

– А я хочу, – произнес я, – переплыть Средиземное море.

Что это было – фигура речи или предчувствие, – об этом в тот момент я и сам не догадывался. Наверное, что-то такое сидело у меня в подсознании. В любом случае, я помнил пример деда и бабки со стороны матери.

Когда я был маленьким, зимними вечерами мы с дедом, бабушкой, мамой и сестрой любили сидеть вокруг *маджмара*. Маджмар – это такой большой глиняный горшок, в который кладут угли, подливают немного жидкого топлива и поджигают. Он не только обогревает дом – ну, вернее, не весь дом, а ту комнату, в которой стоит маджмар, но и служит очагом: если сверху повесить котелок, в нем можно варить еду.

Во время этих посиделок дедушка с бабушкой рассказывали мне про свою жизнь. Они родились в Сахаре, в самом сердце алжирской пустыни, на границе с Мавританией. Им было лет по двадцать пять – двадцать шесть, когда они решили перебраться в Оран, за тысячу километров от дома. Первым уехал дед. Его переход через пустыню был долгим и мучительным.

Сначала он ехал верхом на муле, но через несколько дней мул заболел. Дед оставил его и продолжил путь пешком. В заплечной сумке у него хранился чай, чайник, пшеничная крупка и вода.

Вот что он рассказывал:

– Один раз я, как всегда под вечер, остановился, чтобы испечь лепешку. Взял крупки, добавил воды и замесил тесто. Набрал сухих стеблей, высек двумя камнями искру и запалил костерок. Положил лепешку печься и наполнил водой чайник. Когда хлеб испекся, поставил на огонь чайник.

Потом я поел, выпил чаю и лег поспать. Я почти заснул и вдруг чувствую, руку пронзила дикая боль. Я тут же вскочил. Оказалось, меня цапнул скорпион! Схватил я нож, перетянул руку платком и сделал надрез в месте укуса. Потекла кровь, а вместе с ней вышел и скорпионий яд.

Через три недели мне на пути попала деревня. Я хотел задержаться в ней хотя бы на несколько дней, чтобы подработать. Мне повезло – как раз начался сбор фиников. Меня наняли, конечно, за гроши. Иногда работникам платили монету-другую, но чаще просто давали несколько кило фиников. Мы их меняли на чай или муку.

Проработал я так несколько недель и понял, что запасов накопил достаточно, чтобы продолжать путь. Потом я поступал точно так же. Удача не всегда мне улыбалась, но все же через четыре месяца я добрался до Орана. Это был другой мир.

Слушая дедушкины истории, я представлял его себе героем кинофильма. Порой его рассказы наполняли меня чувством гордости за него, порой – чувством страха, но я неизменно слушал их с открытым ртом.

Мой дед был человеком здоровым во всех отношениях – и телом, и духом. От его лица веяло безмятежностью, хотя в глазах таилась лукавинка. Несмотря на бедность, он никогда не стал бы есть что попало и как попало и всегда следил за собой. Например, сам чинил и гладил себе одежду; знакомые сапожники научили его правильно ухаживать за обувью. Он пользовался простым, но чрезвычайно действенным методом. Возьмите сапожную щетку и, не прибегая ни к каким средствам, тщательно очистите обувь от грязи и пыли. Убедившись, что обувь чиста, нанесите на щетку немного ваксы и хорошенько отполируйте обувь. Затем отложите ее на часок, после чего повторите операцию, снова с небольшим количеством ваксы. Ботинки будут сиять как новенькие.

Чем больше я размышляю, тем увереннее прихожу к выводу, что главные жизненные ценности привил мне дед.

А как же школа, спросите вы. Бросьте! Если не считать уроков физкультуры, о школе у меня сохранились самые отвратительные воспоминания. Что в началке, что в лицее, нас, как стадо баранов, сгоняли по пятьдесят человек в класс. Большинство учителей нас ненавидели и думали только о своей карьере. При виде каждого из них мне неизменно вспоминались загонщики скота из ковбойских фильмов. Если кто-нибудь из учеников не мог ответить на заданный вопрос, они лупили его палкой, а иногда даже хлестали кнутом. Они вели себя с нами как в армии. Да они и в самом деле были бывшими вояками, нанятыми диктаторским режимом и мечтавшими во всем походить на президента республики.

В классе у нас учились и дети богатеев, и дети бедняков. К богатым я относил сынков полицейских, жандармов, высокопоставленных чиновников и торговцев. К бедным – ребят из семей рабочих или безработных. Детишек богатеев не били никогда. В крайнем случае могли отчитать. Все шишки доставались детям бедняков – их постоянно колотили палкой или железной линейкой. Несправедливость, господствовавшая в так называемой социалистической стране, ничем не уступала порядкам, принятым в империалистических странах. В школе, как и во всем алжирском обществе, царил продажность. Людей вынуждали давать и брать взятки, а тот, кто не имел денег, был обречен влачить жалкое существование на грани нищеты. «В Алжире надо быть или богатым, или занимать высокий пост – иначе подохнешь с голоду», – так мы говорили между собой.

В 1974 году военная диктатура дала полиции приказ задерживать всех молодых парней с длинными волосами и брить их наголо; девушкам, посмеявшимся выйти на улицу в мини-юбке, мазали ноги краской. В то же самое время высшие государственные чиновники ходили с длинными волосами; выступая по телевизору, они прятали их за ушами или чем-нибудь прикрывали.

В нашем квартале жили те, кто был «за власть», и те, кто был «против власти»; люди делились на «прозападников» и «антизападников».

Приведу только один факт, который прекрасно иллюстрирует ту атмосферу, в которой я рос.

В те годы в Алжире работало много советских специалистов. В Орানে для них построили целый квартал шикарных многоэтажных домов – с детскими площадками, с садами – и обнесли его железным забором с колючей проволокой. Нам было запрещено даже появляться в этом районе; они, впрочем, тоже не имели права с нами общаться. Каждый раз, проходя мимо их зарешеченного городка, я не мог избавиться от ощущения, что смотрю на зоопарк, населенный странными животными, прилетевшими с другой планеты.

Хоть какую-то передышку мне давали футбол, музыка и девушки.

У себя в команде я все чаще выступал уже не в полузащите, а средним нападающим – это если мы играли с ребятами постарше; когда мы встречались с ровесниками, мне доверяли роль капитана. За что я всегда любил футбол, так это за слаженность в игре, когда два или три человека действуют как один. И еще – за те чудные мгновения, когда вратарь ловит мяч и не дает забить гол. Как ни странно, меня, забияку, в футболе привлекал не результат, а красота движений.

Свой вклад в спасение моей души от впадения в варварство и грубость внесла также музыка. Она обогатила мои чувства и пробудила мое воображение.

Я любил музыку двух видов. Во-первых, аль-андалусу. Это традиционная алжирская музыка, основанная на арабо-андалусских ритмах. Под нее обычно поют очень красивые и поэтичные песни, повествующие о страданиях людей в этом и потустороннем мире. Я слушал ее, когда мне надо было о чем-то подумать, когда мне было грустно или больно. Но потом я открыл для себя совсем другую музыку – музыку бунта, и сразу понял, что именно ее мне и не хватало.

Как-то мы с приятелями познакомились с одним молодым эмигрантом, и он рассказал нам о том, что ему пришлось пережить во Франции. Это был длинноволосый парень в джинсах и солнечных очках. Типичный пижон. Чтобы подразнить его, я сказал, пусть не врет, что он родом из Марселя, – на самом деле он здешний, из Орана. В ответ он вытащил из рюкзака магнитофон и несколько кассет и тоном ярмарочного зазывалы провозгласил:

– Хард-рок! Американская музыка!

Из магнитофона полились пронзительные звуки – гитара, бас-гитара и ударник. По телу у меня пробежала судорога, и я понял: ничто на свете не способно лучше выразить состояние моей израненной души. Так в мою жизнь вошли Led Zeppelin, Deep Purple и другие рок-группы.

У меня вообще обостренное слуховое восприятие. Музыка воздействует на меня с невероятной силой. Благодаря музыке я научился понимать, что должны чувствовать девушки.

Больше всего мне нравились принцессы – умные девчонки, не придававшие значения моде. Они смотрели на тебя серьезно и вместе с тем чуть лукаво и двигались свободной и легкой походкой. Я пялился на них, мечтая про себя, что когда-нибудь и у меня будет такая вот подруга. Испытывая к ним огромное уважение, я никогда не пытался «клеиться» ни к одной из них. У нас в Средиземноморье, особенно в Ороне, «клеиться» в первую очередь означает «грубо приставать». Но изредка я посылал им восхищенные взгляды. Некоторые из них понимали, что я хочу сказать, других они оставляли равнодушными.

Другие девчонки меня не интересовали. Дуры вызывали жалость, а от жадин хотелось бежать сломя голову.

Глава 4

Мне исполнилось 15 лет, когда случилось событие, ускорившее течение моей жизни.

Мы, полсотни учеников, сидели в помещении, больше похожем на склад, чем на школьный класс. Шел урок математики. Учительница – довольно скованная дама – писала на доске решение примера. Я заметил, что пример она решила неправильно. Быстро проделав нужные вычисления, я потихоньку передал ей свою тетрадь. Она посмотрела мою работу и набросилась на меня как сумасшедшая. Вызвала директора и перед всем классом заявила, что больше не потерпит моего присутствия, потому что я срываю ей урок, что было абсолютным враньем. Надо сказать, что как раз по математике я успевал лучше всего и всегда получал хорошие оценки, хотя по остальным предметам учился так себе. Математика – и еще французский – всегда давалась мне легко, возможно, потому, что требовала понимания, а не тупой зубрежки. Зубрить уроки мне было некогда – и без того еле хватало времени на футбол, работу, музыку и девчонок.

Директор схватил меня за волосы и волоком протащил до своего кабинета. Там он обрушил на меня поток оскорблений, не позволив мне произнести ни слова в свою защиту. Минут через пятнадцать он вызвал своего заместителя, и вдвоем они повели меня в подвал. Директор встал напротив меня и принялся меня избивать. Он наносил мне удар за ударом – сначала кулаками, потом ногами. Я, как мог, закрывал лицо. Но тут до меня дошло, что они не намерены останавливаться, и тогда я решил дать сдачи. Директор стоял ко мне ближе, чем заместитель, и я заехал ему ногой в причинное место, а потом добавил каблуком в рожу. Я рос в неблагополучном районе, где каждый день случались драки, и с детства владел приемами рукопашного боя, тэквондо, бокса и прочего в том же духе. Директор упал, я перепрыгнул через него и бросился к двери. Заместитель даже не шелохнулся. Я взлетел по лестнице, перепрыгивая через ступеньки, и опрометью помчался вон из лица. Домой я пробирался переулками, опасаясь преследования.

Вечером, когда я сидел дома, рассказывая матери и деду о том, что произошло («Ноги моей больше не будет в этой школе, – добавил я, – лучше пойду работать»), к нам в дверь постучали. Мать пошла открывать. На пороге стоял директор лицея, а с ним рядом – трое полицейских. Позовите сына, потребовали они и сказали, что должны доставить меня в участок. Мать внимательно посмотрела на них, на эту шайку палачей, и поняла, что дело плохо. Но в лице ее не дрогнул ни один мускул. Она спокойно спросила:

– Вы из районного комиссариата полиции?

– Так точно, – ответил один из полицейских.

– Тогда вам должно быть известно, что ваш старший комиссар Ясин Мусади – мой родственник. Не верите? Могу показать вам свое свидетельство о рождении.

Полицейские чуть замялись, а потом один из них сказал:

– Извините за беспокойство, мадам. Мы недостаточно внимательно изучили дело.

Они развернулись и ушли. Мать заперла за ними дверь. На самом деле она их обманула: комиссар был ей не родственником, а просто однофамильцем – она обратила на это внимание, когда ходила в комиссариат оформлять развод. Позже она рассказала мне, что сумела быстро сообразить, что делать, потому, что прежде, во время войны в Алжире, уже попадала в похожие ситуации, сталкиваясь с полицейскими и с французскими солдатами. В тот день я понял: у моей матери, с виду такой кроткой, железный характер.

Немного погодя мать позвала меня на кухню, велела собрать необходимые вещи и на несколько недель уехать к родственникам. Так я и поступил. Раз уж меня вынудили пуститься в бег, я решил, что буду запутывать следы: поживу денька три у дяди, потом переберусь к двоюродному брату, от него – к тете, и так далее. Родни со стороны матери и со стороны отца

у меня было достаточно, так что я мог спокойно гостить в трех, если не в четырех десятках семейств. Недели через три я решил вернуться домой. Мать сказала, что из лицея прислали официальное письмо о моем исключении.

– Наконец-то хорошая новость! – чуть подумав, заявил я.

За время своего вынужденного кочевничества по родственникам я впервые начал серьезно размышлять о будущем. Кем я буду? Чем стану заниматься? Может, попробовать пойти на завод?

Еще мальчишкой я с уважением смотрел на старших парней, когда они возвращались с работы. Они казались мне такими взрослыми, такими солидными и уверенными в себе. Пожалуй, пора и мне на собственной шкуре испытать, что это такое, говорил я себе. Посоветовавшись кое с кем из них и попросив о помощи, буквально через несколько дней я получил место у мастера, занимавшегося изготовлением решеток.

Меня поставили к станку и дали в руки пассатижи. Велели скручивать металлический прут сначала с одного края, а потом с другого, чтобы получился крест, а затем загигать его концы. Через два дня руки у меня распухли. Не помню, как я доработал неделю. Платили мне пять франков в день. Никакой страховки, никаких больничных. Весь персонал мастерской работал «в черную». Вечером субботы, получив свои 30 франков, я решил, что ни за что не вернусь на эту каторгу.

На следующей неделе я с помощью очередного приятеля нашел другую работу, на картонажной фабрике. Меня определили в цех по изготовлению обувных коробок. Берешь лист картона, мажешь его клеем, сверху накладываешь того же размера лист тонкой бумаги – цветной или с рисунком, в зависимости от требований производителя обуви. Платили мне столько же, сколько в мастерской по изготовлению решеток, – все те же 30 франков в неделю. Само собой разумеется, платили «в черную» – никакого трудового договора никто со мной не заключал. Директором фабрики, кстати, был лейтенант алжирской армии, живший в Орানে, в казарме. Предполагаю, что он сумел влезть на этот рынок, пользуясь властью кадрового офицера.

Каждый день после работы я подсчитывал, сколько коробок склеил. Понемногу у меня в голове начала складываться картина царящих на фабрике порядков. Скупердяи-владельцы, тупицы-бригадиры. Большинство рабочих – бедняки, не имеющие никакого опыта и слишком глупые, чтобы возмутиться или попытаться отстоять свои права. Когда с одним из них на работе произошел несчастный случай, его тут же уволили, и никто из товарищей не посмел за него вступить. В те дни я точно понял, что собой представляет социализм алжирского образца, – подделка, стоящая на двух столпах: коррупции и нищете. Начальство устраивалось, нагло распиливая бабло, а народ бедствовал, но молча мирился с положением дел.

*Face a la crainte
A la honte
aux tentations
Pour qu'eclatent les contradictions.*

Подобные мысли стали причиной того, что в один прекрасный день я хлопнул дверью фабрики.

Я решил получить настоящую профессию. Вдоль и поперек обошел весь город в поисках учебного центра, разговаривал с торговцами, ходил в мэрию, заглядывал в государственные училища. Должен уточнить, что в те времена в Орানে не существовало справочной службы. Чтобы найти дом, расположенный по такому-то адресу, приходилось садиться на автобус или просто топтать ногами. Телефона у нас дома не было – он оставался привилегией элиты или, как я называл это про себя, чиновников продажного государства.

В результате упорных поисков я наткнулся на центр профессиональной подготовки, находившийся километрах в пяти за чертой города. Шагая туда пешком, я раздумывал, какую бы мне профессию выбрать. В отсутствие системы профориентации и вообще какой бы то ни было информации, неудивительно, что я понятия не имел, чем конкретно хочу заниматься.

Но вот я подошел к комплексу блочных домов, стоявших в окружении цветущих садов, теннисных кортов, бассейна и футбольного поля. Интересно, это все для студентов или для преподавателей? – задумался я. Судя по тому, что все сооружения пребывали в ухоженном состоянии, предназначались они для привилегированного класса. Я постучал в дверь, на которой висела вывеска «Приемная комиссия», и, не дождавшись ответа, вошел. И очутился в широком коридоре, по обеим сторонам которого тянулись двери кабинетов. Я стучал в каждую, но ответом мне неизменно была тишина. Наконец, из-за пятой по счету двери раздался ленивый голос:

– Кто там?

Я толкнул дверь и поздоровался с занимавшим кабинет мужчиной. Он ответил на мое приветствие вялым тоном только что проснувшегося человека. Часы показывали три часа дня, и я понял, что прервал его послеобеденный сон.

– Что вам угодно? – спросил мужчина.

– Я хотел бы получить профессиональное образование.

– По какой специальности?

– Я не знаю, каким специальностям у вас обучают. Если бы вы показали мне список, я мог бы выбрать то, что мне подходит.

– А сколько вам лет?

– Пятнадцать.

– Вы слишком молоды. Приходите на следующий год. Мы внесем вас в лист ожидания. В принципе мы принимаем молодых людей начиная с восемнадцати лет, в исключительных случаях – тех, кому исполнилось семнадцать или шестнадцать.

– А вы не знаете, где-нибудь есть училища, куда можно поступить в пятнадцать лет? Может быть, какой-нибудь учебный центр?

– Я же вам объясняю: пятнадцатилетних юношей мы не принимаем. К тому же у нас очередь. Как, впрочем, и в остальных училищах Орана. Срок ожидания составляет от года до трех лет.

– Значит, на будущий год приходите к вам бессмысленно?

– Молодой человек, у меня такое впечатление, что вы не понимаете моих слов. Пусть лучше ваши родители придут. Я постараюсь все им объяснить.

Я жутко разозлился:

– Мои родители – неграмотные люди. С чего вы взяли, что они поймут вас лучше, чем я? Вы только что сказали, что у меня нет ни единого шанса поступить к вам что на будущий год, что через три года. Вы просто пудрите мне мозги вместо того, чтобы прямо сказать «нет». Что тут понимать?

– Молодой человек! – заорал он. – Вы переходите всякие границы! Убирайтесь немедленно, не то я вызову охрану! Или позвоню в полицию!

Он еще разорвался, когда я вышел, громко хлопнув дверью и на прощанье бросив ему: «Сукин сын!»

До дверей подъезда я дошел спокойным неторопливым шагом, чтобы он видел, что я ни капельки его не боюсь. Меня переполняли гнев и ярость. Будь у меня силы, я бы разломал все их блочные стены.

Глава 5

Как обычно в жаркую погоду, вечером жители нашего квартала от мала до велика выполняли на улицу, посидеть на холодке.

Взрослые садились отдельно, ребята – отдельно, старики – своей группкой. Поскольку я был высокого роста, мне всегда давали на три-четыре года больше, чем было на самом деле, и потому мне не составляло большого труда присоединиться к компании взрослой молодежи, которую составляли парни от восемнадцати до двадцати пяти лет. Главной темой их разговоров, повторявшейся практически ежедневно, был отъезд, точнее сказать, эмиграция в Европу. Одни мечтали уехать во Францию, другие – в Германию, третьи – в Скандинавию. Я редко к ним прислушивался – мне казалось, меня это не касается. До последнего времени я был уверен, что должен решать свои проблемы здесь, где живу. Но после посещения центра профессионального образования тема переезда на Запад стала интересовать меня гораздо больше.

Буквально на следующий день я постарался поподробнее разузнать об особенностях жизни во Франции, Испании и Германии. Расспрашивал знакомых, написал несколько писем дальним родственникам, живущим во Франции. Я собирал информацию о жизни в этих странах и начал задумываться о способах покинуть Алжир. Время от времени я делился с приятелями своими соображениями, но никогда не сообщал конкретных деталей; меня в первую очередь интересовала их реакция. Мне хотелось раззадорить их, пробудить в них желание шевелиться. Чем больше я узнавал, тем более реальные очертания приобретал мой план и тем больше крепла моя решимость уехать.

Как-то вечером один из друзей сказал мне:

– Слышь, а ведь ты не сможешь отсюда свалить. Ты несовершеннолетний. Придется ждать, пока тебе не стукнет двадцать один год!

– Без тебя знаю, – ответил я. – Но я уже все продумал. Есть два способа уехать из Алжира, даже если ты несовершеннолетний. Во-первых, твои родители могут обратиться с ходатайством к властям и подписать бумагу, в которой говорится, что они согласны отпустить тебя в европейскую страну на определенный срок. Правда, надо иметь на руках подтверждение принимающей стороны, то есть гарантию того, что тебе будет где жить. Во-вторых, можно попытаться пересечь границу нелегально. Проводники берут за это примерно две тысячи франков. Они сажают тебя на торговый корабль в Оране и везут до Сета или до Марсея.

Друзья смотрели на меня разинув рот, изумленные точностью сведений, которыми я располагал.

– Ого! – воскликнул один из них. – Видать, ты серьезно изучил это дело.

– Можно подумать, ты и впрямь собрался лить! – удивленно добавил второй.

Я немного помолчал, подогревая их интерес, и небрежно протянул:

– Возможно...

Затем, понимая, что полностью завладел их вниманием, я продолжил:

– Первый вариант отпадает сразу. Мои родители ни за что не подпишут разрешение на отъезд. Но главное, окончательное решение принимает консульство – французское, испанское или какое другое. Именно они дают визу на въезд в страну. А мы с вами прекрасно знаем, что получить визу можно только по благу. Зато второй вариант вполне реален – при условии, что наберешь требуемую сумму денег. Лично я думаю, что уезжать лучше вдвоем или втроем. Вместе не так страшно.

Ребята слушали меня, затаив дыхание.

– Чтобы план удался, – добавил я, – сразу по приезде в Европу желательно разделиться. Просто чтобы не привлекать к себе лишнего внимания.

Повисло молчание. В этот миг я почувствовал, что отношение друзей ко мне изменилось. Как будто я вырос в их глазах. Перешел из разряда болтливых юнцов в категорию серьезных парней, с которыми не грех и посоветоваться.

В последующие дни мы не раз собирались на улице и обсуждали достоинства и недостатки первого и второго вариантов.

Что касается меня, то я вернулся к прежнему занятию – обходил домохозяек и собирал на продажу поношенные вещи. У меня появилась ясная цель: уехать в Европу. Что я там стану делать? Этого я пока не знал, хотя кое-какие туманные идеи и бродили у меня в голове. Впрочем, я не слишком волновался. С моими-то способностями, с моей находчивостью! Как-нибудь не пропаду! Мы договорились с друзьями, что все наши разговоры сохраним в тайне. И поклялись друг другу, что никому не проболтаемся о своих планах. Я всецело им доверял. В нашей культуре слово чести – не пустой звук. В Оране человека часто оценивают по тому, насколько твердо он держит данное слово.

Заниматься детальной проработкой плана ребята поручили мне. Я постарался собрать воедино всю полученную информацию и потратил целый день на ее обдумывание. Вечером я изложил им свою программу, включавшую несколько пунктов:

1. Немедленно решить, кто из нас едет (нас было пятеро, и все мечтали убраться из Алжира, но я знал, что перейти от слов к делу готов далеко не каждый).
2. Выбрать один из двух вариантов.
3. Определить, в какую из стран Европы бежать.
4. Составить список знакомых, к которым можно будет обратиться за помощью.
5. Разработать для каждого свой план действий по прибытии в Европу.

Я еще не успел договорить, но уже почувствовал, как между нами пробежал холодок. Ребята испугались. Я понял, что обязан разрядить атмосферу, пока она не обернулась паникой. И как можно серьезнее произнес:

– Лично я еду.

На несколько минут установилась мертвая тишина.

– Кто еще? – спросил я.

Почти сразу мне ответили двое друзей. Итак, нас стало трое. Двое остальных смущенно молчали. В глубине души я надеялся, что они откажутся участвовать в побеге, потому что мне казалось, что в группе не должно быть больше трех человек, иначе все предприятие станет слишком рискованным. Один из двух молчунов сказал наконец, что ему надо подумать, но... В общем, он сомневается, стоит ли ввязываться в это дело. Второй заговорил о том, что у него здесь слишком много разных обязательств и он не может вот так запросто все бросить.

Чтобы избавить их от ненужного смущения, я сказал:

– Если у нас все получится, вы можете последовать нашему примеру через пару-тройку месяцев.

Глава 6

Назначенная дата отъезда приближалась. Теперь от решающего дня нас отделяло всего семь недель. Страх во мне рос с каждым днем. Но радостное предвкушение открыть для себя новый мир придавало мне сил и энергии и не позволяло свернуть с пути, следовать которым я решил давно.

Как и оба моих товарища, я много работал на рынке, чтобы собрать сумму, необходимую для уплаты проводникам. И все-таки расчеты показывали, что скопить достаточно к нужному дню я не успеваю. Я чувствовал себя в цейтноте. В тот день, когда эта ужасная истина стала очевидной, на меня накатило отчаяние. Я сидел, закрыв лицо руками, и погружался в пучину тоски. Что бы там ни говорили люди, но удары судьбы вовсе не делают меня сильнее – напротив, ослабляют.

В голове у меня вертелся один и тот же вопрос: где раздобыть недостающую сумму денег?

Друзья мои были такие же бедняки, как и я, – у них не разживешься. Родители ни за что не согласятся на мой отъезд. Да и в любом случае, у матери, с ее зарплатой простой работницы, никаких накоплений отродясь не водилось. Про отца я предпочитал не думать. Если честно, я не виделся с ним уже целый год. Возможно, я для него вообще никогда не существовал.

Совершенно машинально я развернул газету, оставленную кем-то на скамейке. Газета была недельной давности. Я и взял-то ее только потому, что в ней напечатали статью про мою любимую футбольную команду.

Не знаю почему, но, читая – признаюсь, без особого интереса – комментарии игроков, я вдруг решил, что надо поговорить о деньгах с дедом. Он наверняка что-нибудь придумает. А главное, поймет мое стремление бежать – не зря он сам когда-то покинул родные места. И даже если не сможет помочь мне деньгами, задерживать меня точно не станет.

У нас в семье обо всем, что по-настоящему важно, принято говорить обиняками, используя поговорки и всякие фигуры речи.

Я дождался момента, когда дед садился пить чай. Обычно в это время он бывал в самом лучшем настроении. Пожалуй, впервые в жизни я с таким вниманием наблюдал, как он готовит свой любимый напиток. Для него приготовление чая продолжало оставаться изысканным ритуалом, каковым оно считается в области Сахары.

Я следил за каждым его движением, подгадывая, в какой миг лучше всего к нему обратиться и завести разговор на интересующую меня тему. Нарушать его священнодействие я не собирался – ни в коем случае. Как только чай был заварен, я принялся вслух вспоминать пословицы и поговорки, посвященные путешествиям и разлуке с родиной.

Я не мог заставить себя произнести слово «Франция». Вспоминал Европу, Испанию... Я не представлял себе, как подступить к главному. Меня охватила растерянность. От былой веры в себя не осталось и следа.

И тогда заговорил дед:

– Сынок! Франция – очень большая и богатая страна. Но и бедных в ней хватает. Жизнь там не легче, чем у нас, а может быть, и тяжелее. Денег у людей больше, и ссорятся они между собой яростнее, чем мы.

Он пристально посмотрел мне в глаза, словно давал понять: то, что он сейчас скажет, не просто важно, а очень важно. Он всегда так делал, если желал, чтобы его слова прочно засели у меня в башке. Или если считал, что должен предостеречь меня от опасности.

– Хочешь не иметь проблем – поезжай один, – продолжил он. – И пока не найдешь места, в котором тебе будет хорошо, держись ото всех подальше.

Я наконец решился заговорить о деньгах, но дед прервал меня:

– Я знаю, что ты нуждаешься в некоторых средствах. Не волнуйся, я тебе помогу. Но сначала, будь добр, объясни мне, как и с кем ты собираешься ехать во Францию.

Я посвятил его в наши планы, только соврал насчет даты предполагаемого отъезда. И сейчас же пожалел о своей лжи – его лицо светилось таким доверием ко мне, какого я никогда не читал на лицах своих родителей. Гораздо позже мне стало известно, что он отнес в ломбард свои восточные ковры и медные подносы. И раздобыл деньги, которых мне не хватало.

*С первого шага
Тоска по корням,
Яростный поиск себя.
Я все еще иду к своим истокам —
И нет конца моему пути.*

Мы всемером жили в маленькой двухкомнатной квартире. По вечерам я запирался в туалете – это было единственное спокойное место, где никто не мог меня потревожить.

Я считал и пересчитывал денежные купюры. После обмена динаров на черном рынке в моем распоряжении оказалось две тысячи пятьсот франков. Огромная для меня сумма. Прежде я и помыслить не мог, что стану обладателем такого богатства. Моя мать на государственном заводе получала пятьсот франков в месяц.

Впрочем, мои восторги быстро рассеялись. Большую часть этих денег придется отдать проводникам. Мне останется совсем немного. Эта мысль меня огорчала, но не настолько, чтобы вызвать чувство вины.

Шли дни. У нас – двух моих приятелей и меня – постепенно сам собой сложился своего рода ритуал. Каждый вечер мы встречались возле порта, там, где швартовались корабли, отбывающие в Европу.

Это место всегда, еще до того, как мы выработали план побега, производило на нас чарующее впечатление. Здесь у нас словно вырастали крылья за спиной. Мы мечтали вырваться из нищеты, но еще больше – из удушливой атмосферы, в которой жили.

О том, как будет протекать наше путешествие, мы не имели ни малейшего представления – не знали даже, на каком корабле поплывем. Связник назвал нам дату и час отъезда и указал точное место встречи, но больше не сказал ничего. Мы догадывались, что человек, с которым мы имели дело, – второй, если не третий в целой цепочке, из чего вытекало, что расспрашивать его о подробностях бесполезно.

Каждый раз он все более угрожающим тоном обязательно повторял одно и то же:

– Если не хотите неприятностей, не вздумайте ни с кем болтать! Я работаю не один – не забывайте об этом! Так что – молчок!

Поначалу эта грубость и страх, засевавший у него в глазах, немного пугали меня. Однако позже нам стало известно, что он – всего лишь жалкий посыльный у настоящих проводников.

Тем временем, встречаясь в порту, мы стали вести себя по-другому. Вместо того чтобы смотреть друг на друга, мы устремляли взоры на море. И могли сидеть так часами... Нас завораживала та потаенная сила, что скрывалась за зеленовато-голубым простором, насыщенным острым запахом моря...

В мечтах мы садились на один из пришвартованных в гавани кораблей и устремлялись в загадочные дальние страны. Нам нравилось угадывать по внешнему виду кораблей, под каким флагом они ходят и куда плывут.

Самое яркое впечатление производили на нас огромные торговые суда. Никто из нашей троицы никогда не пересекал Средиземное море. Украдкой косясь друг на друга, мы старательно прятали страх и печаль, кажется, навечно застывшие на наших лицах. Ни один из нас ни

разу не позволил этому страху вырваться наружу, ничем не дал остальным понять, что сомневается в успехе предприятия.

Мы дали друг другу слово и не нарушим его, что бы ни случилось!

Не знаю почему – возможно, не желая искушать судьбу, – но мы старались не думать о том пугающем будущем, что ждало нас впереди. Тем более не обсуждали вероятность пойти на попятный путь – эта тема была у нас под запретом. Мы заметили, что, не сговариваясь, обходили стороной даже самый слабый намек на то, что отъезд может сорваться.

Между тем тревожных вопросов возникало все больше, а ответов на них не было. Куда они нас спрячут – неужели в трюм? Может, запихнут в контейнер? Сколько времени продлится путешествие? В какой порт мы прибудем?

Как ни странно, подобные размышления укрепляли наш дух. И изгоняли из головы другие мысли – те, от которых кровь стынет в жилах, а ноги делаются ватными, – мысли о жизни и смерти. Что касается лично меня, то я был убежден: ничего плохого с нами не случится.

Несмотря на страхи, мы никогда не задумывались над тем, что будет, если нас поймут. У себя в квартале я видел парней, которых арестовали на таможне. Первым делом их волокли в тюрьму. Но даже потом, когда, освободившись, они возвращались в родительский дом, соседи смотрели на них как на прокаженных. Я частенько наблюдал за ними. У них на лицах застыла печать поражения. Они стыдились смотреть людям в глаза. Как бы там ни было, вновь вписаться в рутину привычной жизни им было трудно.

Главная опасность подстерегала нас не за морем, а здесь. Но она была не в силах поколебать нашу решимость. Мы понимали, что должны вырваться из этого гетто. И если ценой свободы будет смерть – что ж, мы заплатим эту цену!

По поводу нелегального пересечения границ ходило множество слухов. Болтали, что проводники – матросы с греческих кораблей – выбрасывали беглецов за борт, едва корабль выходил в открытое море. И мы знали, что доля истины в этих байках все-таки есть. Иначе почему кое-кто из тех, кто уехал много лет назад, ни разу не дал о себе знать?

Все мы умели здорово драться. Нож, мачете, палка, даже сабля – всеми этими предметами мы владели виртуозно. Кадер был чемпионом по боевым искусствам и как никто орудовал нунчаками, побеждая почти в каждой уличной потасовке. Я предпочитал выкидной нож, с которым легче было застать противника врасплох. И только Юсеф ходил безоружным, повторяя, что ему это ни к чему.

И вот этот знаменательный день – день, которого мы ждали с таким нетерпением и которого так боялись, – день нашего отъезда настал.

Связник назначил нам встречу на складе, расположенном в нескольких километрах от порта. На самом деле когда-то там был завод, но он давно закрылся. Нас, кандидатов на побег, собралось в этом мрачном местечке десятка два человек. Самых разных возрастов, но почти все – мужчины. Женщина была всего одна. Разумеется, с ней был муж – мы решили, что муж, – который держал ее за руку. Люди разбились на маленькие группки и тихо переговаривались. У меня сложилось четкое впечатление, что никто не торопился знакомиться и называть свое имя. В глазах у всех читались тревога и грусть. Рядом с нами сидел на земле мужчина лет сорока с четками в руках; он низко опустил голову, и по щекам его катились слезы. Как ни удивительно, но его вид придал мне храбрости и изгнал из моей души вползавший в нее липкий страх.

Вскоре явился проводник. Он созвал нас в кружок. Это был высокий широкоплечий мужчина с тюрбаном на голове. Я заметил у него изрядное пивное пузцо, а вот лица разглядеть не сумел – он носил большие солнечные очки и густую бороду, явно фальшивую. Тонем, не допускающим возражений, он приказал нам разбиться на группы по пять человек и каждой группе сообщил ее номер. Мы попали в четвертую. Затем он рассказал, что сейчас поведет нас на корабль.

Только сейчас нам стало известно, что нас спрячут между контейнерами с грузами.

– Не вздумайте высовываться! – повысив голос, сказал он. – Даже если прижмет, сидите и терпите. Если на вас наткнется корабельная охрана, вам каюк. Имейте в виду, заступаться за вас там будет некому!

И добавил с кривой ухмылкой:

– Не дрейфить! Я сказал, что доставлю вас куда требуется, значит, так и будет!

Затем по-военному отсалютовал и развернулся на каблуках.

Я, холодея от ужаса, сидел на земле. Слова проводника не только не успокоили меня – напротив, пробудили все мои уснувшие было страхи. Выходит дело, на корабле есть своя полиция! Кадер заметил, как я испугался.

– Да врет он все, – сказал он и положил руку мне на плечо. – Наверняка надеется страсти с нас побольше бабла.

Он немного помолчал, а потом тряхнул головой, словно говоря: «Да он держит нас за лохов! Ну-ну! Не на таковских напал!» И улыбнулся.

– Как только он поймет, что больше с нас взять нечего, сразу отцепится, – продолжил он. – У них же тут целая система! Представляешь, сколько они каждый день имеют? Да тут все должно работать как часы!

Его рассуждения показались мне вполне логичными. Проводники заинтересованы в том, чтобы «машина», делающая деньги из воздуха, не давала сбоев. Слова Кадера немного успокоили меня, хотя и не окончательно, тем более что я видел, как после «беседы» с этим стервятником исказились от страха лица остальных наших товарищей.

Как только стемнело, к складу подъехал грузовичок, выкрашенный серым – точь-в-точь как полицейские фургоны. Он вкатился внутрь помещения, и из него выпрыгнул уже знакомый нам подручный проводников. В руке он держал электрический фонарик. Встав позади машины, он распахнул дверцу и окинул взглядом собравшихся вокруг людей. Затем махнул рукой, показывая, чтобы мы забирались в кузов. И пяти минут не прошло, как мы уже стояли, тесно притиснувшись друг к другу, прижимая к себе сумки с вещами. Нам повезло – мы трое влезли в грузовик последними и оказались с краю, поэтому нам было чем дышать, – внутри фургона висел тошнотворный запах тухлятины. Двадцать минут спустя шофер заглушил мотор. От неожиданности мы вздрогнули.

– Мы уже на корабле, – тихим голосом сказал Кадер. – С ума сойти!

Несмотря на темноту, я чувствовал охватившее людей возбуждение. Юсеф положил руку мне на голову и жарким шепотом проговорил мне прямо в ухо:

– Никто не посмеет нас остановить! Этот мир принадлежит нам!

Глава 7

Май 1975 года, семь часов утра.

Я еду в поезде «Марсель – Париж».

Еще вчера такие слова, как «Европа», «Запад», «Франция», звучали для меня магическим заклинанием. Сегодня они – часть моей жизни, и я вместе с другими людьми, оказавшимися в этой стране, учусь постигать, что они означают в реальности. Мне самому не верится, что все это происходит со мной! Еще несколько дней назад мир для меня делился на две части: Запад и все остальное. Сегодня я так больше не думаю. Я понимаю, что Земля – едина и неделима и она принадлежит всем, кто ее населяет.

Эти мысли возникали в моем мозгу неким откровением, и от них мне становилось легче на душе.

Для многих моих ровесников из Орана Запад оставался недостижимой мечтой. Мне повезло, размышлял я, ведь я преодолел первый этап на пути достижения своей цели.

Но стоило мне припомнить все те слухи, что ходили у нас по поводу нелегальных эмигрантов, по поводу тысяч людей, безжалостно убитых проводниками и выброшенных в море, как кровь стыла у меня в жилах.

В памяти всплывал разговор стариков, подслушанный мной на похоронах бродячего торговца овощами и фруктами Мусы Каиба. Рассказывали, что он, сговорившись с приятелями, купил лодку, на которой планировал добраться до испанских берегов. Лодка была рассчитана на пять человек, а их было девять – семь мужчин и две женщины. Все они погибли. Одни утверждали, что их расстреляла береговая охрана, другие – что они пали жертвой морских пиратов.

Я почти не верил в удачу. Но теперь все изменится.

Накануне вечером, когда нас выпустили из фургона, он развернулся и уехал прочь, оставив нас посреди загромождавших трюм контейнеров. Мы поскорее забились по углам, прячась от любопытных взглядов.

Мы трое – Кадер, Юсеф и я – всю ночь простояли, тесно прижавшись друг к другу: так было и теплее, и спокойнее.

В Марсель мы прибыли ранним серым утром. Не успел корабль причалить, как за нами пришли какие-то люди. Они вывели нас наружу по хлипким и узким мосткам, а затем проводили по кривым улочкам подальше от порта. Ни одного полицейского или таможенника нам не встретилось.

После этого мы разбрелись кто куда.

Наша троица пешком двинулась к вокзалу Сен-Шарль, часто останавливаясь, чтобы спросить дорогу. Здесь, как и было договорено, наши пути разошлись и каждый направился в свою сторону.

Вот так я и оказался в несущемся на всех парах поезде – один, предоставленный самому себе.

За окном сменялись пейзажи, но я на них не смотрел. В голове беспорядочно роились самые разные мысли. Внезапно на меня нахлынуло чувство глубокой печали, и на глазах выступили слезы. Ну да, я достиг своей цели, но что станет со мной дальше? У меня был адрес одного отеля в Париже, адрес дяди в Лилле и полученный от знакомого телефон одного человека в Роттердаме. Больше – ничего. Впереди – полная неизвестность.

Я сидел в купе второго класса. Один. Наверное, во всем было виновато это одиночество, но мне вдруг почудилось, что атмосфера вокруг сгущается, заставляя меня со всей остротой

ощутить свою неприкаянность. Это ностальгия, понял я. И собрал все свои силы, чтобы ей противостоять. Я всегда терпеть не мог разговоры про ностальгию, считая ее слабостью.

Вагон потряхивало на стыках, и в том же ритме металась мои мысли. С одной стороны, я тосковал по пляжам Орана, по морю, по футболу с друзьями, по «принцессам», которыми восхищался. С другой – я ни о чем не жалел, и меньше всего – о той беспроблемной судьбе, которая ждала меня в спеленутом по рукам и ногам обществе; я видел отчаяние на лице матери; знал, в какой бедности живут мои дед и бабушка; успел убедиться в трусливой подлости отца и непроходимой глупости многих обитателей нашего квартала. Все это я сознательно отринул, став добровольной жертвой собственного выбора.

После проведенной на ногах ночи меня потянуло в сон. Но не успел я задремать, как меня разбудили. Проверка билетов. Я не глядя протянул контролеру билет, он прокомментировал его, сказал мне: «Всего хорошего» – и закрыл за собой дверь купе. Это был мой первый контакт с французом. Почему-то он вселил в меня чувство уверенности. Я снова закрыл глаза и спокойно заснул.

Несколько часов спустя поезд прибыл на большой парижский вокзал. Нет, не просто большой – огромный. Здание с высоченными потолками и бесконечными коридорами произвело на меня ошеломительное впечатление. Я бродил по перронам в поисках выхода. Я изумлялся: почему люди вокруг передвигаются так быстро? Куда они спешат? Ничего подобного я никогда прежде не видел. В Оране мы привыкли к неторопливости, порой чрезмерной. Наверное, в каждом городе, говорил себе я, свои странности, которых чужаку не понять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.